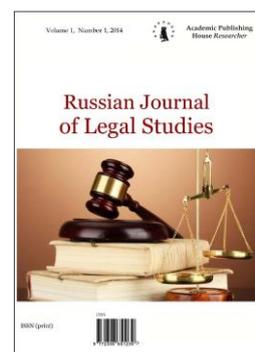

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2020, 7(1): 29-36

DOI: 10.13187/rjls.2020.1.29

www.ejournal25.com

On the Simplified Models of Legal Understanding for Teaching Legal Knowledge in Russia

Dmitry A. Kirillov^{a, *}, Ekaterina G. Sechenova^a^a Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the approach to ensuring the practical focus of higher legal education under the conditions when a significant part of legal provisions "do not operate". For this, the authors of the article propose using simplified models of legal understanding in the educational process. In developing these models, the authors of the article took into account the following circumstances. The teaching of legal disciplines in Russian universities is more and more complicated every year due to an increase in the number of laws that belong to the category of "acting" only formally, and therefore are not sources of law in the formal sense. Until about 2008, the teacher used the universal rule about the gap between the "static" form and the "dynamic" content. To explain the phenomenon of "unworking" laws such approach was didactically sufficient and methodologically correct. This rule indicated the need for the state to gradually eliminate obsolete laws from the legal space. However, in the last decade such an explanation has obviously become insufficient. So, by 2008, for a "median" practicing Russian lawyer, questions of whether or not this or that law worked in a particular legal situation were put forward as relevant; if the law works, then what "rule" should be applied instead of it to solve a legal problem. Accordingly, in the didactic aspect, a problem arose – how to restructure the teaching of legal disciplines if there are so many laws that are not sources of law ("do not work"). There are many concepts of legal understanding, from the positions of which one can explain the current state of things. However, most of them are difficult for students. The authors of the article propose a simplified model of legal understanding. It distinguishes three blocks - non-working laws, working laws, as well as the rules applied instead of non-working laws. For didactic purposes the authors of the article suggest to apply a differential use of such concepts as "legal law", "law", "feigned legal fact", "feigned legal space" depending on the audience's level of competence. A differentiated approach to groups of students with different levels of legal training also seems reasonable.

Keywords: higher legal education, non-working statutory provisions, legal law, feigned legal fact, feigned legal space, simplified model, didactic model, legal understanding, practical orientation, source of law; content of law, legal awareness, legism, the will of the legislator, degree of adjustment, legal construction, legal phenomenon, retroactive law.

1. Введение

Правовая действительность современной России характеризуется наличием значительного числа правовых явлений, не соответствующих по своему содержанию той внешней форме, в которую они официально облачены. Различные концепции

* Corresponding author

E-mail addresses: kdakda@yandex.ru (D.A. Kirillov), e.g.sechenova@utmn.ru (E.G. Sechenova)

правопонимания по-разному объясняют сложившееся положение вещей. Анализ различий в концептуальных подходах нередко сложен не только для дипломированных юристов, но и для ученых-отраслевиков, как и для преподавателей отраслевых юридических дисциплин. Данное обстоятельство поставило перед авторами задачу – построить упрощенную модель понимания права, которую можно было бы использовать в качестве единой при преподавании юридических дисциплин.

2. Материалы и методы

В настоящей работе использованы научные труды таких исследователей как Д.А. Авдеев, К. Анахов, И.Н. Барциц, Т. Гоббс, Е.В. Гутов, В.В. Лазарев, В.В. Суханов, В.М. Шафиров, а также обнародованные ранее результаты собственных исследований проблем преподавания юридических дисциплин с учетом свойств современной правовой действительности. По отдельным вопросам, касающимся характеристик этих свойств, проведены опросы более ста практикующих российских юристов, обсуждения в ходе ряда тематических панельных дискуссий. С позиций правового, лингвистического и общеобразовательного подходов проведен анализ современного состояния правовой действительности, на базе которого построена упрощенная модель правопонимания для дидактических целей. К основным методам данного исследования относятся анализ, логический и сравнительно-правовой метод, синтез, обобщение, аналогия, опрос.

3. Обсуждение

В ходе преподавания юридических дисциплин не лишено актуальности то обстоятельство, что неотмененные, то есть формально действующие законоположения «не всегда» выступают источниками права.

До недавнего времени объяснить студентам, почему, по меньшей мере, некоторые из огромного массива законоположений «не работают», было достаточно несложно. В рамках упрощенно-дидактического допущения причина данного положения вещей достаточно понятна и состоит в объективном противоречии между «содержанием права» и «содержанием всей совокупности источников права».

Право – как «содержание обязательных правил поведения» – динамично, тогда как источник права – как некая «относительно застывшая форма» – статичен. Поэтому совокупность источников права как «объединенная форма» не может не отставать (не отличаться) от собственно права как содержания. Задача государства в деле преодоления обозначенного отличия состоит в постоянной коррекции правовой действительности, в частности, в отмене или изменении устаревающих законоположений.

К началу XXI века в России явственно проявился новый феномен, который можно обозначить как «рассогласованность между фактическими параметрами правовой действительности и содержанием законов, которым эта действительность должна соответствовать». Объяснить его появление простым «устареванием» содержания источников права было уже сложно. Соответствующие дидактические вопросы в работах того времени одним из авторов затрагивались (Kirillov, 2002; Kirillov, 2004). Между тем тенденция усугубления рассогласованности продолжилась, что к 2008-2010 годам привело к появлению новых феноменов уже и в сфере профессиональной юридической деятельности.

По результатам проведенных в 2008 году в нескольких регионах России опросов 68 представителей профессионального юридического сообщества два вопроса, ответы на которые еще за несколько лет до этого столь явственно востребованы не были, вошли в число самых актуальных.

Во-первых, «работает» или нет в конкретной ситуации то или иное законоположение?

Во-вторых, какое «правило» вместо неработающего законоположения подлежит применению для разрешения юридической ситуации? Из 34 практикующих юристов, дополнительно опрошенных в целях контроля в трех регионах России, 29 назвали выявленные вопросы актуальными.

Для юридической дидактики возникла проблема, – «что» и «как» преподавать, если законоположений, которые не являются источниками права (не работают), становится настолько много, что одним из первых у юриста-практика возникает вопрос о том, работает или нет закон, предназначенный для разрешения актуальной юридической ситуации?

Обозначенная проблема предопределила необходимость учитывать при преподавании и доносить до студентов-юристов то обстоятельство, что «неработающий» закон в России исключением, отнюдь, не является. В ходе ряда панельных дискуссий проявился высокий дидактический потенциал термина «правовой закон». По мнению Е.В. Гутова, это «...властно-регулятивный акт, не только подкрепляемый и санкционированный государством или иными социальными институтами, но и соответствующий (содержательно, формально и процедурно) принципам общественного правосознания... и в силу этого обладающий всей полнотой действия в пределах данной правовой системы» (Gutov, 1998).

Следовательно, в дидактико-методическом аспекте в ходе обучения все законоположения целесообразно «разделять» на правовые (действующие) и неправовые (недействующие). Между тем данный подход не следует абсолютизировать, что предопределяет следующий важный вопрос.

С точки зрения официального государственного подхода, деления законов на работающие и неработающие быть не может. Все законы, говоря условно, «не могут не работать, а значит, работают». Подход базируется, в частности, на классическом доктринальном положении о том, что "правовая сила закона состоит только в том, что он является приказанием суверена" (Hobbes, 1991: 211) и имеет множество черт легистского типа правопонимания.

Тем не менее, как явствует из опросов профессионалов-практиков, неработающих законов гораздо больше тех допустимых границ, в пределах которых еще можно было бы вести речь об «отдельных подобных случаях», «исключениях из правил» и т.п., а не о целостной системе. Данное обстоятельство предопределяет не только дидактическую необходимость отказа от легизма в правопонимании, но и важность построения приемлемой упрощенной модели правовой действительности для целей преподавания.

Важным представляется следующий исходный тезис. «Неправовые» законы характеризуются не только тем, что «не всегда» применяются, но и тем, что вместо них применяются другие исходящие от государства правила, которые замещают неработающие законы и могут быть отнесены к числу правоположений. Последними, согласно одному из известных определений, предлагается считать «общие веления правоприменяющих органов, которые с наибольшей определенностью отражают волю законодателя и служат относительно самостоятельным средством поднормативного юридического воздействия на субъекты общественных отношений» (Lazarev, 1976: 5).

Из данного определения, на наш взгляд, вполне приемлемого для целей предлагаемого ниже учебно-дидактического нарратива, можно без какого-либо логического «передергивания» сформулировать промежуточный тезис о том, что «не в полной мере определенное отражение в законе воли законодателя» имеет место всегда. Поэтому такая «воля» во всех случаях подлежит корректировке «велениями правоприменяющих органов», то есть правоположениями. Количественно-качественные, а также ситуационные характеристики корректировки каждого из законоположений индивидуальны (Biriukov, Galushko, 2018).

В учебных целях уместно говорить и о степени «правоприменяющей корректировки», которая может быть «незначительной» или «значительной». Очевидно, что при незначительности степени корректировки закон можно охарактеризовать как работающий «сам по себе». При переходе же степени корректировки границ «незначительности» закон постепенно начинает утрачивать свойство «работающего».

Учитывая вышесказанное и опираясь на один из, на наш взгляд, приемлемых для целей дидактики современных подходов к пониманию права (Shafirov, 2004), представляется возможным сформулировать ключевые для включения в упрощенную дидактическую модель тезисы о том, что содержательно законоположения сами по себе (в чистом виде) нормами права не являются. Нормы права (как обеспечиваемые силой государственного принуждения правила поведения) во всех случаях имеют бытие в виде правоположений и иных неформальных правил (далее – «правоположения»), то есть скорректированных правоприменителями законоположений.

Исходя из этого, все без исключения принимаемые законы для абсолютно прямого действия объективно «не подготовлены». Действовать же законы начинают после их

корректирующего доведения правоприменителем до состояния готовности и превращения в «правоположения». При этом, как уже было сказано, закон, требующий незначительной корректировки содержания, можно считать правовым и действующим; закон же, который требует значительной корректировки, следует считать неправовым и недействующим.

Как было сказано выше, с точки зрения официального государственного подхода все законоположения работают (не должны не работать). Вместе с тем, вместо неработающих законоположений действуют «правоположения». Причем «государство» о последних не только знает, но и является их создателем (в лице конкретных органов и должностных лиц). Очевидна ситуация, в которой государство одновременно и официально не признает того факта, что среди законов есть неработающие, и фактически признает наличие неработающих законоположений, замещая их реально «работающими» «правоположениями».

Охарактеризованная двойственность, по нашему мнению, логически сопрягается с правовой конструкцией, текстуально реализованной в пункте 2 статьи 170 ГК РФ: сделка, прикрывающая другую сделку, именуется притворной и актуализирует прикрываемую сделку. Экстраполируя логику данной конструкции за пределы не только института сделок, но и гражданского права в целом, представляется уместным говорить о «прикрывании» «правоположения» неработающим законоположением. Последнее является притворным, а первое – актуальным, а потому интегрированным в единую систему правовых норм.

Исходя из приведенных выше результатов опроса юристов-профессионалов, удельный вес притворных (неправовых) законоположений в общем объеме текстов законов настолько значителен, что не может быть проигнорирован ни при оценке состояния правовой действительности, ни при трансляции юридических знаний. Принимая во внимание количество притворных законоположений, для дидактических целей уместно предложить к использованию такое понятие, как притворное правовое пространство.

Основываясь на подходах И.Н. Барцица ([Bartsits, 2000: 24](#)) и В.В. Суханова ([Suhanov, 2005: 15](#)), правовое пространство можно определить как детерминируемую свойствами правосознания систему правовых явлений в границах государственной юрисдикции.

Притворностью же правового пространства в широком смысле слова для дидактических целей логично считать свойство правового пространства, заключающееся в наличии значительного количества неформальных правовых явлений, замещающих неработающие, но официально заявляемые правовые явления.

В узком смысле слова под притворностью можно понимать свойство правового пространства, заключающееся в наличии значительного количества «правоположений», замещающих неработающие законоположения. И тогда в узком смысле притворным логично именовать правовое пространство с критически высоким уровнем неработающих законоположений. Это, в свою очередь, позволяет говорить о фактической реализации законотворческой функции государства не только (или не столько) органами, функционально для этого предназначенными, но и органами исполнительной, а также судебной власти.

Для дидактических целей важен вопрос и о детерминации притворности российского правового пространства. Представляется возможным исходить из следующего. В основу российского конституционного законотворчества в начале 90-х годов XX века были положены и по настоящее время официально провозглашаются ценности демократического миропонимания, актуальным для юридической дидактики базовым элементом которого является верховенство закона. По мнению же ряда исследователей, фактической базой правосознания большинства россиян, безотносительно к тенденциям, является приоритет отнюдь не законоположения (в смысле верховенства закона), а политической воли носителя властных полномочий ([Avdeev, 2015: 59-60](#)). Потому притворность правового пространства во многом предопределена различиями между ценностями национального правосознания и принципами официально заявляемой правовой политики, реализуемой в законотворческой деятельности.

В силу этого, даже Конституция РФ – как совокупность не подкрепленных правосознанием большей части населения страны базовых законоположений – оказалась не свободной от коррекции «правоположениями». По результатам проведенных авторами ранее и подтвержденных в 2015–2019 годах исследований, к числу, в основном, неработающих можно

отнести, к примеру, положение статьи 12 Конституции о том, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», положение пункта 1 статьи 120 о том, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» и ряд других. Так, вопреки Конституции России, реально высшей ценностью является не человек с его правами и свободами, а, скорее, интересы государства и общества, страна последовательно отходит от федерализма, государственные структуры перешли под контроль органов исполнительной власти и т.п.

В качестве примеров неработающих «отраслевых» законоположений можно привести: пункт 4 статьи 212 ГК РФ, согласно которому права всех собственников защищаются равным образом; ст. 2 Трудового кодекса РФ в части указания на социальное партнерство как на один из принципов бытия трудовых отношений в России и т.п.

Дидактико-юридическое значение имеют и широко распространенные случаи, когда при формальной неизменности «неработающего» закона обратную силу имеют весьма расширительно толкующие такой закон правовые позиции высших судебных органов, ухудшающие участь лиц, привлекаемых правоприменительными органами, включая суды, к публичной ответственности, в том числе и за деяния, совершенные до формулирования такой позиции (Anahov, 2010: 37). При этом, сам закон, ухудшающий участь привлекаемых к публичной ответственности лиц, формально обратной силы в подобных случаях иметь не может. Однако, учитывая, что «работает» не сам закон, а прикрываемое им «правоположение», указание, к примеру, в пункте 2 статьи 5 Налогового кодекса РФ о том, что «акты законодательства о налогах и сборах, ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют», нередко лишено правового смысла. В силу чего не только не достигает той цели, которая преследовалась при его принятии, но и, очевидно, порождает правовой нигилизм.

Таким образом, дидактическая значимость того обстоятельства, что правовое пространство России имеет признаки притворности, налицо. Применительно к юридическому образовательному процессу это означает не только актуальность знания о том, что далеко не все законоположения в том виде как они сформулированы, актуальны для правового пространства, но и понимание того, что «юридическая теория», используемая для характеристики правового пространства, не должна быть несостоятельной.

В качестве дидактически универсального «упрощенно-модельного» подхода уместно с первых дней обучения, использовать [Таблицу 1](#) и постоянно возвращаться к ней на протяжении всего периода обучения. При этом следует дифференцированно и даже осторожно подходить к различным с точки зрения возраста и уровня юридической социализации аудиториям.

Таблица 1. Упрощенная модель соотношения права и законодательства

	Реальное (фактическое) право	
Официальное право (законодательство)		
ООООООООООООООО	ОРОРОРОРОРОРОРО	РРРРРРРРРРРРРРРРР
ООООООООООООООО	ОРОРОРОРОРОРОРО	РРРРРРРРРРРРРРРРР
«Неработающая» часть официального права	«Работающая» часть официального права	«Правоположения»

«Подготовленной» аудитории можно с самого начала предложить тезис о том, что в России официальные нормативные правовые акты являются источником права лишь с оговорками, что законодательство «работает» постольку, поскольку «правоположениями» не предусмотрено иное, и т.п.

«Молодую» же аудиторию следует сначала на примерах незначительно скорректированных законоположений обучить абстрактному юридическому инструментарию по условной модели «как оно должно быть». Для этого потребуются корректировка учебных материалов по всем правовым дисциплинам. В данном контексте «молодую» аудиторию представляется уместным знакомить с различными вариантами влияния «правоположений» на правовые пространства, как это показано в [Таблице 2](#).

Anahov, 2010 – Anakhov, K. (2010). Neobosnovannaya nalogovaya vygoda: izvinyajte, pogoryachilis' [Unreasonable tax benefit: we're sorry, we were hasty]. *Nalogovyy konsul'tant*. Tyumen'. № 3. Pp. 36-39. [in Russian]

Bartsits, 2000 – Bartsits, I.N. (2000). Pravovoe prostranstvo Rossii: voprosy konstitucionnoy teorii i praktiki [The legal space of Russia: issues of constitutional theory and practice]. M. 496 p. [in Russian]

Biriukov, Galushko, 2018 – Biriukov, P.N., Galushko, D.V. (2018). Sravnitel'noe pravovedenie [Comparative Law]: uchebnik. ID VGU. Voronezh: PH VSU. 378 p. [in Russian]

Gutov, 1998 – Gutov, E.V. (1998). Pravovoy zakon [The legal law]. V. Kemerov. Filosofskaya enciklopediya. Panprint. 1998. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-183-pravovoi-zakon.htm> (date of access: 30.07.2019). [in Russian]

Hobbes, 1991 – Hobbes, T. (1991). Leviatan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or matter, form and power of ecclesiastical state and civil state.]. M. 731 p. [in Russian]

Kirillov, 2002 – Kirillov, D.A. (2002). Obespechenie prikladnoy napravlenosti obrazovatel'nogo processa na dnevnoj forme obucheniya kak element sistemy podgotovki yuristov vysshej kvalifikatsii [Ensuring the applied orientation of the educational process in on-campus education as an element of training highly qualified lawyers]. *Kachestvo vysshego professional'nogo obrazovaniya v nachale XXI veka: materialy konferencii*. Tyumen'. TyumGU. Pp. 164-169. [in Russian]

Kirillov, 2004 – Kirillov, D. (2004). A nepogoda vse ne prohodit [But the weather yet does not pass]. *Universitet i region*. № 44, 45. [in Russian]

Lazarev, 1976 – Lazarev, V.V. (1976). Pravopolozheniye: ponyatie, proiskhozhdenie i rol' v mekhanizme yuridicheskogo vozdejstviya [Legal positions: concept, origin and role in the mechanism of legal impact]. *Pravovedeniye*. N 6. Pp. 3-15. [in Russian]

Shafirov, 2004 – Shafirov, V.M. (2004). Estestvenno-pozitivnoe pravo: Vvedenie v teoriyu [Naturally-positive law: Introduction to theory]. Krasnoyarsk. 260 p. [in Russian]

Suhanov, 2005 – Suhanov, V.V. (2005). Pravovoe prostranstvo i ego formy [Legal space and its forms]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. M. 26 p. [in Russian]

Об упрощенных моделях правопонимания для преподавания правовых знаний в России

Дмитрий А. Кириллов ^{a,*}, Екатерина Г. Сеченова ^a

^a Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается подход к обеспечению практической направленности высшего юридического образования в условиях, когда значительная часть правовых положений «не действует». Для этого авторы предлагают использовать упрощенные модели правопонимания в образовательном процессе. При разработке этих моделей авторы учли следующие обстоятельства. Преподавание юридических дисциплин в российских университетах с каждым годом усложняется из-за увеличения количества законов, которые относятся только к категории «действующих» формально и поэтому не являются источниками права в формальном смысле. Примерно до 2008 года использовалось универсальное правило о разрыве между «статической» формой и «динамическим» содержанием. Для объяснения феномена «неработающих» законов такой подход был дидактически достаточным и методологически правильным. Это правило указывало на необходимость того, чтобы государство постепенно исключало устаревшие законы из правового пространства. Однако в последнее десятилетие такое объяснение стало недостаточным. Так, к 2008 году для «срединного» практикующего российского юриста вопросы о том, работал ли тот или иной закон в конкретной правовой ситуации, были выдвинуты как актуальные. Если закон работает, то какое «правило» следует применять

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kdakda@yandex.ru (Д.А. Кириллов), e.g.sechenova@utmn.ru (Е.Г. Сеченова)

вместо него для решения правовой проблемы? Соответственно, в дидактическом аспекте возникла проблема – как реструктурировать преподавание правовых дисциплин, если существует так много законов – неисточников права («не работают»). Существует много концепций правопонимания, с позиций которых можно объяснить текущее положение дел. Однако большинство из них трудны для студентов. Авторы предлагают упрощенную модель правопонимания. Они различает три блока – нерабочие законы, работающие законы, а также правила, применяемые вместо нерабочих законов. В дидактических целях авторы предлагают применять дифференцированное использование таких понятий, как «правовое право», «право», «притворный юридический факт», «притворное правовое пространство» – в зависимости от уровня компетенции аудитории. Дифференцированный подход к группам студентов с различным уровнем юридической подготовки также представляется разумным.

Ключевые слова: высшее юридическое образование, нерабочие законодательные положения, право, притворный правовой факт, притворное правовое пространство, упрощенная модель, правовое понимание, практическая направленность, источник права; содержание права, правосознание, легизм, воля законодателя, степень адаптации, правовое построение, правовое явление, ретроактивное право.